

18+

Больно не будет

Геннадий Логинов



Геннадий Логинов

Больно не будет

«Издательские решения»

Логинов Г.

Больно не будет / Г. Логинов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934750-3

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Аллегорическая повесть, символическая притча «о вечном и преходящем, зубах и нравах, ребёнке и рыбе, и дорогах, ведущих в Рим», занимает особое место в творчестве молодого автора. Кто-нибудь, прочитав её, найдёт для себя ответы на давно волновавшие вопросы. Кто-нибудь узнает для себя что-то новое или просто приобретёт эстетический опыт. Но, в любом случае, она заставляет людей хотя бы на время отвлечься от суеты и всерьёз задуматься о вечном, помогая стать хотя бы чуточку добрее и мудрее.

ISBN 978-5-44-934750-3

© Логинов Г.

© Издательские решения

Содержание

Глава I, повествующая о зубах и нравах	6
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Больно не будет

Геннадий Логинов

© Геннадий Логинов, 2020

ISBN 978-5-4493-4750-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается моему любимому младшему брату



Глава I, повествующая о зубах и нравах

Адам и Ева имели перед нами много преимуществ, но больше всего им повезло в том, что они избежали прорезывания зубов
Марк Твен

В стародавнем году, который нынче никто и не вспомнит, в далёкой стране, которой нет на современных картах, в непримечательном поселении, название которого ничего вам не скажет, находился монастырь ордена, которого больше не существует.

Монастырь Святого Христофора, построенный в окружении белоснежных пиков гор, на момент основания насчитывал в своей обители порядка двадцати монахов, но даже и в лучшие годы их набиралось не более тридцати двух человек.

Их скромное облачение составляли простой чёрный хабит со скапулярием, обычная сыромятная верёвка, игравшая роль пояса, количество узлов на которой обозначало число уже принятых её обладателем обетов, а довершению сего благочестивого образа служили монашеские чётки и сандалии, борода и тонзура.

Устав требовал от братьев любить Отца Небесного всеми силами души своей, не забывая о сердечной любви и уважении к ближним своим, при отвержении себя самого, умерщвлении плоти, сознательном отказе от убийства и блуда, кражи и лжесвидетельства, клеветы и зависти, ропота и тщеславия, ревности и стяжательства.

Монах не должен был делать другим людям того, чего не пожелал бы себе, но был обязан вместо этого утешать печальных, поддерживать несущих тяжёлое бремя, облегчать участь бедных, одевать нагих, кормить голодных, исцелять больных и хоронить мёртвых.

Он не должен был привязываться к чему-либо приятному чувствам, не предпочитая что-либо Христовой любви, но в то же время должен был любить пост и оставаться чуждым мирским нравам, не потакая плотскому желанию.

Божьему слуге не пристало держать в своём сердце гнев и ненависть, помышлять о мщении и лукавить, оставлять милосердие и обнадёживать понапрасну. Монах не должен был давать каких-либо клятв, дабы не оказаться клятвопреступником, но вместо этого ему следовало придерживаться правды в сердце, словах, делах и помышлениях.

Ему следовало возлюбить своих врагов всем сердцем, не отвечая злым на злое, но лишь благословляя проклинаящих, искренне моля за них в любви Христовой. Монах не должен был терпеть неправды и беззакония, но должен был стойчески преодолевать то, что может выпасть на его собственную долю, с примерным мужеством перенося гонения за правду.

Брату всегда следовало опасаться гордыни, пристрастия к вину и еде, лености и сонливости. Уповая на Бога во всех своих начинаниях, он должен был приписывать в заслугу Ему всё то благое, что сможет обнаружить в себе, в то же самое время виня во всех своих слабостях и недостатках лишь себя самого.

Стремясь всеми силами души к жизни вечной, монах с завидной настойчивостью готовил себя к ней, при этом не забывая помнить о смерти, следить за своими мыслями и поступками, страшиться ада и помнить о Судном Дне, пребывая в твёрдой уверенности, что Всевышнему ведомы все его страсти и поступки – всегда и везде.

Лишь только в душе монаха зарождались недобрые мысли – он должен был тотчас же разбивать их о светлый образ Христа, открываясь лишь сведущему в духовных делах наставнику. Уста свои надлежало воздерживать от всякого злого или праздного слова, избегать ненужного многословия и споров, а также громкого и частого смеха, способного изгнать из человека всю праведность и благодатный настрой.

Охотно внимая духовному чтению и часто предаваясь молитве, монах каждый день своей жизни должен был проводить в соответствии с заветами Господа, каждый день с высочайшим почтением и искренними горькими слезами исповедуя Ему свои прошедшие прегрешения – не формальности ради, но дабы впредь не совершать их.

Отказываясь от собственной воли, монах всецело должен был доверять решению людей, поставленных ему свыше начальниками, и подчиняться им даже в том случае, если сами они, упаси Бог, не представляют собой образец нравственной чистоты, не считая чужую неправедность оправданием собственной, но при этом прямо и открыто обличая их в глазах братства на ежедневном собрании капитула.

Власть, как и болезнь, почиталась ниспосланной монаху свыше, что, тем не менее, являя собой определённое испытание, не означало отсутствие необходимости в лечении. В том случае, если начальствующие, к примеру, начали бы склонять подчинённых к греху, ввергать в ересь и требовать отступить от Бога и веры, – с этой болезнью надлежало бороться, как и с любой другой. При этом любое лицо, наделённое властью, должно было неукоснительно осознавать, что власть была дана ему свыше совсем не затем, чтобы он впадал в гордыню от ощущения собственного превосходства над подчинёнными, но ради того, чтобы он, с предельной мудростью и осторожностью, употребил её во Славу Божию. Максимально используя все предоставляемые властью возможности во благо, он должен был помнить и о том, что большая власть подразумевает и большую ответственность.

Монаху следовало избегать кощунственных мыслей о собственной святости, при этом умея отличать и утончённые виды гордыни, когда под внешним самоуничижением скрывается духовный нарциссизм.

Младшим монахам надлежало почитать старших (приходившихся им старшими не столько в телесном, сколько в духовном отношении), равно как и старшим – выказывать отеческую заботу о младших.

Любя чистоту, простоту и опрятность, монахи должны были содержать в порядке как мысли свои и одежду, так и отведённые им кельи и прочие помещения, но вместе с тем соблюдать во всё меру, дабы забота о собственной внешности и убранстве обители не превратились в особую форму самолюбования.

В довершение же всего: разделённым распрей монахам надлежало мириться ещё до захода солнца, а ощутив в себе зародившиеся плевелы уныния, никогда не отчаиваться в бесконечном милосердии Божиим.

По сути устав был ничуть не менее строг, чем у римских воинов или олимпийских спортсменов. Поэтому монастырских братьев иногда именовали «Божьими воинами» или «атлетами духа», коль скоро в былые времена «аскетами» назывались профессиональные ученики атлетических школ. Но вместе с тем, несмотря на всю ту высокую значимость, которую орден уделял суровой аскезе, – основные роли в его иерархии добродетелей отводились для покаяния и смирения, без обретения которых терялся всякий смысл не только самой аскезы, но и любых прочих дел.

Обязанности монахов были чётко разделены в соответствии с их способностями и склонностями; и ни одна из работ, будь она связана в большей степени с книжной учёностью и пытливым умом, развитым чувством прекрасного и творческим началом либо с физическим трудом и рутинными делами, не могла считаться особенно почётной или, напротив, сколь-либо унижительной.

В то время как учёный муж проводил свои дни в скриптории, составляя переводы трактатов античных философов, травщик настаивал лекарство от его недуга, а сведущий в поварском деле келарь обеспечивал каждого из них ежедневной трапезой.

Наиболее старые и дряхлые из монахов, чьё зрение было уже недостаточно острым, а ум – ясным, чтобы дополнительно напрягать их изучением фундаментальных трактатов, наставле-

нием страждущих и регулярным выступлением с богословскими докладами, чьи телесные возможности не позволяли заниматься тяжёлым трудом и вести монастырское хозяйство, обитали особняком, изолированные не только от внешнего мира, но даже и от других братьев. Единственной обязанностью старцев оставалось непрерывное бдение: глубоко вдумчивое чтение мысленных молитв, снова и снова повторяемых в безмолвном трепетном почтении.

Боясь нарушить благочинный покой старших братьев по вере, остальные монахи как можно тише приносили в означенный час приготовленную для них пищу и, оставляя приношение у порога келий, так же бесшумно удалялись.

Распорядок исполнения монашеских обязанностей перед Творцом и общиной был расписан буквально по минутам. Братья рано вставали и поздно ложились, соблюдали строгий пост, и свято хранили обет молчания, нарушаемого исключительно для чтения молитв и проповедей, песнопений и по иным уважительным причинам.

Всегда и везде сохраняя умы свои в ясности, они воздерживались от употребления алкоголя, позволяя себе лишь испить немного вина на причастии, а чистота родниковой воды, коей заслуженно славилась здешние места, избавляла её от потребности в обычном, по тем временам, винном разбавлении.

Основная работа монастырских братьев заключалась отнюдь не в чём-то внешнем: монахи вели постоянную мысленную брань, борясь со всевозможными греховными помыслами и искушениями.

Некоторые послабления в еде и работе были допустимы лишь для больных: в том случае, когда их состояние исключало всяческую активную деятельность, а отказ от пищи был опасен не только для здоровья, но и для жизни.

Монахи доили коз, варили сыр, следили за садом, выращивали фрукты, овощи и виноград, давили вино, содержали пасеку, собирали мёд, готовили ликёры, ловили рыбу и относили многие плоды своего труда на продажу.

Так или иначе, несмотря на сознательный отказ братьев от личной собственности, персональная нищета монаха ещё не означала нищеты монастыря, хранившего некоторые вещи для коллективного пользования и, в частности, располагавшего некоторой суммой денег. Эти средства могли быть потрачены не только на нужды общины, но также и на различные благие дела, в помощь многочисленным нищим, больным и убогим людям, живущим за пределами монастырских стен.

В нелегких монашеских буднях – людей поддерживали три благонравных ослика, с достоинством носивших имена основателей великих нищенствующих орденов: Франциска, Бенедикта и Доминика. Эти на редкость послушные, вопреки естественному пороку их вида, Божьи создания были призваны на роли боевых коней местных рыцарей молитвы и чётков. Многочисленные юные воспитанники монастыря, как правило, весьма любили малых сих, охотно помогая послушникам, в задачу которых входили мытьё и кормёжка ослов при стойлах.

Настоятель, наградивший ослів столь необычными именами, не усматривал в подобном выборе чего-либо предосудительного, коль скоро сам Спаситель счёл нужным въехать на одном из таких замечательных животных в Иерусалим, а одно из известнейших чудес было явлено через валаамову ослицу, не говоря уже про присутствие осла в яслях, посему в поступке сего почтенного мужа читались определённые аллегорические мотивы.

В скриптории при библиотеке сообща трудились толмачи, рубрикаторы, копиисты миниатюристы и пергаментчики, занятые кропотливым переводом и написанием текста, созданием, иллюстрированием и прошивкой страниц и, в конечном итоге, изготовлением новых книг, на каждую из которых уходило, в среднем, не менее нескольких месяцев основательной совместной работы. Во избежание порчи книг от моли, червей и прочей ползуче-кусачей напасти, пергамент обрабатывался шафраном и кедровым маслом.

Во всех этих книгах, как некогда имел смелость предположить один из работавших здесь юных монахов, говорилось то же самое, что и в любых других книгах мира: содержание одних книг рассказывало о содержании других книг, и все отличия, по сути, заключались в том, как именно они об этом повествуют. Тем не менее, спектр областей человеческих знаний, затронутых в данных трудах, был весьма широк, ни в коем разе не ограничиваясь одной лишь областью богословия.

В задачу некоторых особенно одарённых монахов также входиликовка металла, изготовление стекла и создание витражей, резьба по дереву, написание триптихов, а также составление «карт мира».

Эти «карты мира», носившие латинское название «*mappae mundi*», функционально не были предназначены для каких-либо практических целей: с их помощью нельзя было, к примеру, пересечь океан или проделать путь из одной страны в другую. Но вместо этого они представляли собой наглядные энциклопедии, имевшие особую ценность для тех, кто не был обучен грамоте.

На этих древних картах изображались наиболее известные государства, вместе с населявшими их народами и животными, обитавшими там святыми и растущими там растениями. В центре этих карт неизменно размещался так называемый «Пуп Земли», «*ombilicum mundi*», священный город Иерусалим. Разделённая на три части, карта мира разграничивала места обитания народов, произошедших после Великого Потопа от троих сыновей Ноя – Хама, Сима и Иафета.

Неизвестные заморские земли, будоражившие разумы наиболее молодых монахов, назывались «*terra incognita*», и были населены различными диковинными существами, вызывавшими своим видом смешанные чувства боязни и любопытства: устрашающими стимфалийскими птицами; неукротимыми онокентаврами; быкомедвежьими апуре; тысячерукими и сотнеголовыми гекатонхейрами; пышнобородыми гермафродитами; великорослыми циклопами и лестригонами; парящими в высоком небе драконами; плывущими в морских водах реморами и тролльвалами; скулящими на луну кинокефалами; изогнutorогими камелеопарделями; пышногрудыми сфинксами; змеевласыми медузами; грациозными ламиями; пернатые гиппогрифами; страшноокими василисками; двуглавыми амфисбенами; винторогими антолопами; острохвостыми мантикорами; подвижнорогими йейлями; крылозмеими амфиптерами; великоногими скиаподами; широкоухими паноптиями; торсоликими блемиями; ослверблужьими аллокамелусами; козлобараньими музимовами; чешуйчатые рыбами-епископами; зловещими кракенами и гребенчатые кокатриксами.

В праздничные дни, а также и по субботам, в стенах сего монастыря проводились капитальные уборки, в которых на равных принимали участие все монахи от мала до велика, включая и самого аббата, но исключая наиболее слабых и дряхлых.

Полноправное вступление в орден требовало от каждой мятущейся души полного, безоговорочного и осмысленного принятия четырёх обязательных обетов, а именно...

...Обета послушания, выразившегося в полнейшем отказе монаха от собственных свободных суждений и поступков, но соблюдении решений более искусных в духовных вопросах начальников...

...Обета нестяжательства, выразившегося в полнейшем отказе монаха от владения собственностью, отказе от богатств и любого имущества в пользу монастырской общины; тем не менее допускавшего временное пользование вещами, необходимыми для несения службы, равно как и наличие совместно используемых средств, находящихся не в личном владении одного человека, а общины как таковой. Ведь нестяжательство понималось ещё и как самодостаточность обитателей монастыря, живущих особняком от мира...

...Обета целомудрия, выразившегося не только лишь в воздержании от плотских утех, как это часто узко понималось в миру, но представлявшего собой целый комплекс мировоззре-

ния и согласованного с ним поведения. Иначе говоря – «целостную мудрость». В связи с чем человек, не гнушавшийся убийства, кражи, богохульства, лжесвидетельства, ереси, язычества и прочего беззакония, – никак не мог считаться целомудренным, будь он хоть трижды девственником. Но, в то же самое время, благочестивая матрона, ставшая матерью для великого множества детей, могла оставаться целомудренной даже и в браке – если, конечно же, ум последней был свободен от праздности и скверны. Другое дело, что именно монашеское целомудрие, в рамках умерщвления плоти и борьбы с мирскими страстями и привязанностями, в числе прочего придавало высокое значение безбрачию. Что, в свою очередь, исключало и плотскую близость. В то же самое время, целомудрие, сочетавшееся с девственностью, именовалось «девством»...

...И, в заключение, последним по очерёдности, но не по значимости, являлся обет постоянства, в соответствии с которым монах навсегда оставался привязан к монастырю, в стенах которого проходило его пострижение, что, в свою очередь, означало: пусть даже под сими стенами соберутся нечестивые вражеские воинства – монах останется и примет в эти тяжёлые дни всех страждущих, не бежав и не предав свою паству...

Разумеется, принятие каждого из последующих обетов в известной степени хоть и увеличивало права и полномочия монаха, но, в существенно большей степени, и налагало на него дополнительные обязательства. Поэтому принятие как первого, так и каждого из последующих обетов не могло производиться легкомысленно, но требовало от желающего долгой и основательной подготовки. Коль скоро эти обеты не могли быть отменены и требовали пожизненного соблюдения.

Некоторое время, разнившееся от случая к случаю, но, в среднем, составлявшее лет шесть, кандидат имел право находиться в стенах монастыря на правах послушника, тем самым тренируя волю, набираясь знаний и привыкая к распорядку монашеской жизни.

В том случае, если вера испытуемого оказывалась не в полной мере сильна, если он, придя за эти стены, надеялся не обрести Бога, а просто найти здесь корм и кров или бежать от собственных проблем, а дела мира сего продолжали привлекать его в большей степени, нежели служение Всевышнему, – он был свободен в любой момент проститься с братьями, покинув приветливые стены монастырской обители.

Но ежели он оставался в значительной степени усерден, доказывая серьёзность своих намерений и глубину веры на протяжении многих лет, то, с обязательного согласия братьев и настоятеля, испытуемый мог принять первый из обетов. Обет послушания, за которым, по истечении длительного количества лет, он непрестанно совершенствовался в своём служении, постепенно доказывая своё право на принятие всё новых и новых обетов. С принятием последнего, обета постоянства, он сразу же становился одним из возможных кандидатов на пост монастырского настоятеля.

До тех же пор, пока монах ещё не принял всех четырёх обязательных обетов, которые он, так или иначе, в неперменном порядке должен был возложить на себя на протяжении жизни, он мог быть определён решением капитула на тот или иной род занятий, ещё (или уже) недоступный для остальных членов братства.

Так, например, монах, ещё не возложивший на себя ограничений, проистекающих из обета постоянства, до этих пор мог выполнять обязанности гонца, позволяя монастырю поддерживать отношения с представителями других орденов, находящихся в различных местах страны, а то и получить благословение на ведение миссионерской деятельности в землях язычников.

В то же самое время другой монах, уже принявший обет послушания, но ещё не подготовивший себя в полной мере для отречения от личного имущества, мог занимать какой-либо официальный пост, подразумевавший под собой наличие частного имущества (к при-

меру, выполняя почётные обязанности учёного писца, в задачу которого входило ведение протоколов при проведении регулярных заседаний городского совета).

При этом он представлял интересы монастырской общины, которой в дальнейшем, так или иначе, переходило самостоятельно нажитое им имущество.

Люди, которые проживали в монастыре, при этом не будучи монахами в полном смысле этого слова, назывались «облатами», то есть – «предлагающими».

В широком смысле слова, облатом мог быть как малолетний ребёнок, проходящий обучение в стенах монастырской обители, так и пожилой мирянин, пришедший под его кров на склоне лет; как юный послушник, только начинающий свой путь на избранной стезе, так и человек, стоящий в одном шагу от того, чтобы принять монашеский постриг.

Чтобы эти отличия были видны невооружённым глазом, те или иные облаты, в зависимости от того, в какой мере усердным было их служение в качестве монастырских послушников, могли носить те или иные элементы монашеского одеяния ещё до пострига, а также принимать те или иные обязательства, которые могли ежегодно и добровольно продлевать.

При этом данные обязательства не приравнивались к монашеским обетам и их нарушение не могло вызвать того порицания, которое неизбежно навлек бы на себя монах, нарушивший один из основных обетов.

Нарушитель либо просто оставлял ту обитель, для жизни в которой он оказался не вполне подготовлен, либо, приняв покаяние, испрашивал разрешение продолжить своё послушничество, и если в дальнейшем он не получал очередных серьёзных упрёков, то имел все шансы принять постриг.

Впрочем, время от времени в монастыре обитали люди, не принимавшие участия в работах, жизнь и поведение которых не были каким-либо образом регламентированы уставом братства.

Иногда это были проезжие путники, не сумевшие обрести ночлега и покидавшие это место вскоре после отдыха и трапезы. Ни один странник не получал здесь отказа, и ни один голодный не уходил отсюда, не будучи хотя бы скромно накормленным, отчего в определённом часу проводилось ежедневное кормление попрошайек, стекавшихся ради такого дела со всей округи.

Возможно, среди пришельцев и находились рядившиеся под нищих самозванцы, но братья скорее предпочитали одеть, накормить и обуть обманщиков, оставив этот грех на их совести, нежели из досужих подозрений отказать в помощи нуждающимся.

Тем паче что трапеза не была столь разнообразной и обильной, чтобы лезть из-за неё каждый раз вперёд, расталкивая всех наперебой локтями. Правда, в праздничные дни нищих могли побаловать и чем-нибудь особенным.

Но, как в будние дни, так и в праздники, обязательным условием любой трапезы было соблюдение образцового порядка.

Пока один из монахов, определённый келарём на роль трапезника, распределял между всеми по справедливости еду и вино, а другой, определённый чтецом, оглашал в это время строки из Священного Писания, – ни один из христарядников не смел в тот миг шуметь, переговариваться или суетиться.

В противном случае трапезу просто могли прервать, а собравшихся – без лишних церемоний попросить из-за стола. После чего голодные товарищи по нищете, скорее всего, намяли бы виновным бока.

Время от времени в монастырь приезжали учёные мужи из других мест, в основном являвшиеся монахами иных орденов. С собой они привозили товары, запрошенные в их прошлый приезд для обмена: лекарства, продукты, рабочие материалы и всякое разное в том же духе.

Учёные гости брали с собой редкие книги, и, если их копий не обнаруживалось в богатой библиотеке братства, странники могли оставить их на время переписчикам в монастырской скриптории. В обмен же они получали доступ к книгам самого аббатства или к каким-то иным услугам.

Но помимо всего вышперечисленного данное аббатство обладало двумя причинами многочисленного притока посетителей. И речь шла вовсе не о святых мощах и реликвиях, наподобие головы Святого Георгия, об обладании которой одно время заявили сразу двенадцать монастырей. И даже не о редких фолиантах, наподобие утраченного тома «Поэтики» Аристотеля. Но о двух прославленных монахах, несомненно, выделявшихся, пусть и каждый по-своему, на фоне всей остальной монашеской братии. Что, тем не менее, не становилось для них причиной впадения в гордыню.

Ни один из них, к примеру, не мог бы заслуженно почитаться святым праведником, подобно Бенедикту Нурсийскому или Иерониму Стридонскому, или хотя бы прослыть в веках оригинальным мыслителем своей эпохи, подобно Фоме Аквинскому или Ансельму Кентерберийскому. Но определённые обстоятельства заставили обоих Божьих слуг сделаться невероятно популярными и известными как в родных местах, так и далеко за их пределами. Впрочем, ирония судьбы такова, что многие из ныне живущих либо никогда и не слышали их имён, либо могли спутать их с другими, похожими на слух, либо просто принять всё связанное с ними за очередную народную сказку. Как бы то ни было, не награды и почести делают истинных героев достойными их величия, равно как и всеобщее порицание и презрение, как таковые, сами по себе не означают за человеком наличия или отсутствия истинной вины.

Первый брат носил имя Венсана Мавра и обладал весьма необычной внешностью, скорее подходившей типичному магометанину, нежели христианину. Лицо его носило на себе печать природного загара, волосы были черны и естественным образом складывались в завитки, а тяжёлый и в то же время пронизательный взгляд его льдисто-серых глаз выдавал в нём рассудительного и словно бы оценивающего вас человека, с которым лучше не связываться в кулачном бою.

О прошлом брата Венсана осталось достоверно известно, что, прежде чем принять постриг в монахи, он некогда был известен как отважный воин, сын прославленного во всех Семи Морях мореплавателя и юной темноокой наложницы, приобретённой его отцом в одной из жарких южных стран. Своим прозвищем монах был обязан не внешнему виду, но прилежному ученику Святого Бенедикта Нурсийского, носившему имя Мавр.

Венсан не любил вспоминать о годах своей молодости, проведённой вне стен давно породнившегося с ним монастыря, отзываясь о них не иначе как о печальных грехах беззаботной юности. Но вместе с тем, несмотря на свой возраст, монах был по-прежнему статен и прекрасно сложен и, получив на то особое соизволение настоятеля, среди всего прочего обучал местное ополчение азам воинского ремесла.

Набеги жестоких варваров не были в эти дни какой-либо диковинной редкостью, и если до этих пор Господь отводил беду от этих мест, то это ещё не означало, что так непременно должно продолжаться и впредь.

Манера сидеть за столом, держа спину ровно. Или держать ложку так, словно бы это настоящее оружие. Стоять навтыжку, будто боец в строю. Интонация, с которой он отдавал распоряжения. Взгляд, которым он оценивал обстановку. Походка, которой он мерил внутренний двор монастыря. Словом, всё выдавало в нём выучку бывалого воина.

Косая сажень в плечах, высокий рост и боевая удаль, не говоря уже об экзотической внешности, вносили свою весомую лепту в образ этого весьма колоритного человека, но прежде всего в нём ценили не красоту, о которой ночами напролёт напрасно мечтали местные женщины, и не силу, которую уважали в нём многие мужчины.

Многочисленные легенды о его энциклопедической начитанности, редкой живости и изошрённой пронизательности ума уже долгие годы бродили не только по всему христианскому миру, но даже и за его пределами, вызывая интерес как у обычных людей, учёных мужей и знатных господ, так и у сильных мира сего.

Имея что-то общее с Чезаре Борджиа и Франческо Сфорца, которые, как сказал Никколо Макиавелли, являли собой грандиозное сочетание недюжинной силы льва с изящной хитростью лисицы, он отличался от них отсутствием лукавosti и коварства.

Свободно изъяснявшийся в устной и письменной речи на древнегреческом, латыни, еврейском, арабском и многих из прочих известных по тем временам языков, он состоял в научной и богословской переписке с виднейшими и мудрейшими людьми если и не всего мира, то, во всяком случае, внушительной его части.

Духовно дисциплинированный человек, он не считал себя мудрее или в чём-либо лучше других, ведь за удивительной памятью, выстраивающим блестящие силлогизмы умом и от природы крепкой плотью скрывалась ровно та же душа, что и у прочих людей на свете. В сравнении с бесконечным сиянием Славы Божьей – любые достижения человека были ничтожны и жалки, а помышления об особых заслугах пред Всевышним, высокой праведности, едва ли не доходящей до личной святости, на деле ввергали людей в пучину гордыни. Для борьбы с едва начинавшимися закрадываться помыслами о собственной высокой значимости, Венсан прибегал к такому известному методу, как грязная работа, что помогало укреплять его смирение перед Господом.

Рассматривая изучаемые им предметы, Мавр устремлял свой взгляд как вглубь, так и вширь, в равной степени основательно подходя к различным вопросам богословия, медицины, логики, истории, грамматики, естествознания, алхимии, философии, поэзии, музыки, математики, гербалистики и риторики.

Большую часть своего времени Венсан проводил либо в помещении монастырской школы (единственного места на многие мили, где дети крестьян могли обучиться грамоте, к тому же ещё – совершенно бесплатно), либо в стенах библиотеки, где, подолгу находясь в окружении необходимых в его работе книг, он составлял свои знаменитые трактаты.

В особых же случаях – он мог провести целый день не выходя из лаборатории, с разрешения настоятеля получая еду на место и посещая лишь первую и последнюю службы, либо принять приглашение на участие в богословском диспуте, предпочитая, впрочем, скорее принимать гостей у себя, чем уезжать за тридевять земель.

Зная о невероятной прозорливости сего монаха, многие состоятельные особы были совсем не против отдать своих благородных чад на обучение к нему – даже невзирая на незавидную перспективу тесниться в одном классе с простолюдинами.

Будучи главным учителем школы, Венсан с охотой принимал всех желающих, при этом не делая никаких различий или поблажек как между сыном оборванца и сыном вельможи, так между дураком и отличником: во-первых, для Бога не имело значения, кто чей сын, и, тем паче, это не имело значения для их учителя, и, во-вторых, даже у слабого в науке могло быть золотое сердце, а у сильного в знаниях – чёрные мысли. Впрочем, во время своих уроков Мавр требовал от каждого ученика дисциплины, усердия и прилежания, и если он наблюдал, что кто-то ведёт себя неподобающим образом либо не справляется с наукой не в силу присущей от природы слабости ума, но по обычной безответственности и лени, намоченные розги тотчас же не давали о себе забывать.

Помимо обучения детей Венсан уделял время подготовке послушников и монахов, а также и прочих взрослых людей, многие из которых специально преодолевали немалое расстояние лишь за тем, чтоб поприсутствовать на его лекциях и докладах либо сойтись с ним в дискуссии. При этом красноречивые и учёные слова Мавра настолько очаровывали слушателей, что даже долгие часы пролетали перед ними, как минуты.

На протяжении всей жизни из-под его пера выходили многочисленные труды, к наиболее значимым из которых следовало отнести трактат «О книжной учёности и силе искусств», в котором он, рассуждая о единстве и связи религиозной, научно-философской, светско-политической и творческой мысли, активно цитировал Гомера, Эсхила, Софокла, Платона, Аристотеля, Еврипида, Вергилия, Тита Ливия, Цицерона, Эвклида, Аль-Фараби, Аль-Газали, Аль-Хорезми и Авиценну, в то же самое время выступая с критикой в адрес Эпикура, Демокрита, Аверроэса и Маймонида.

В этом же самом трактате Мавр выражал свою полную солидарность с Великими Каппадокийцами во взглядах на то, что внешняя учёность есть благо и, к сожалению, по сию пору встречаются невежественные люди, которые по скудоумию своему опасаются, что образованность является врагом веры.

Некоторые даже преподносили едва ли не как догмат расхожее выражение «невежество – мать благочестия», приписываемое Римскому Папе Григорию I Великому: великому святому, который был вынужден против собственной воли оставить затворничество, занять высокий пост (которого не желал) и проявить себя мудрым правителем, тонким политиком, смелым миссионером, грамотным стратегом, автором многочисленных трудов (в особенности, – знаменитых «Диалогов») и просто высоконравственным человеком. На самом же деле, речь шла вовсе не о невежестве, а о простоте помыслов.

Брат Венсан категорически не принимал отношения ко всем древним книгам вообще и к математическим трактатам в частности, как к пособиям для обучения колдунов, тем не менее, признавая роль нумерологии в мистических практиках отдельных еретических сект и философов.

Решение запретить разом все древние книги (за исключением, естественно, «Библии») в понимании Венсана Мавра было близко к идеям Тертуллиана, породившего знаменитый тезис «*Credo quia absurdum est*», что переводится как «верую, ибо абсурдно».

Данная известная максима, являющаяся парафразом труда «О плоти Христа», зародилась у Тертуллиана на почве тех простых рассуждений, что раз уж ему известно, что Христос есть Сын Божий и Спаситель, – то для чего утруждать себя поиском каких-либо прочих, ненужных, а то и вредных знаний; да и вообще – «Что может быть общего у Иерусалима с Афинами?».

В соответствии с подобными идеями некоторые люди действительно полагали, что любые сторонние тексты и знания либо повторяют Истину, дарованную людям от Бога, и, стало быть, являются излишними, либо даже противоречат ей и, стало быть, вредны.

При этом Тертуллиан, будучи бескомпромиссным буквалистом, отрицал не только необходимость и допустимость, но даже и саму возможность аллегорического прочтения Священного Писания, полагая, что всё следует понимать исключительно дословно, даже если это противоречит человеческой логике, побольше интересоваться насущными, а не метафизическими вопросами; ведь, в противном случае, аллегорические умозаключения способны ввергнуть человека в ересь.

По иронии судьбы, в конечном итоге Тертуллиан сам впал в ту самую ересь, от которой до этого настойчиво пытался оберегать остальных, сначала присоединившись к известной секте монтанистов, а затем и вовсе основав собственную, в то время как его тезис был не просто всеми отвергнут, но принят в штыки александрийскими апологетами, провозгласившими новый тезис: «верую, ибо *не* абсурдно!».

Обращаясь к этому и подобным примерам, Венсан в то же время выражал свою солидарность Великим Каппадокийцам, полагавшим, что в мудрости античной философии уже прослеживались искры истинно Божественного Учения, подобного тому, как водная гладь способна отразить на своей поверхности солнечный свет. Ведь даже несмотря на то, что эллины, как и остальные язычники, не получали сверхъестественных откровений от Бога, – они не были лишены естественных; и входя своими судьбами, как и все люди, в сферу Промысла Божьего,

обладая поистине светлыми умами, дарованными им от Отца Небесного, смогли применить их с похвальным усердием, постигнув многое из того, что в силах познать человек, не получая знания свыше.

Отстаивая значение разума, Венсан ссылаясь то на Фому Аквинского (в частности, на знаменитую «Сумму теологии»), высоко оценившего известных античных и арабских учёных, то на Роджера Бэкона, полагавшего, что поверхностные познания действительно могут создавать видимые парадоксы, в то время как углублённая учёность, напротив, лишь позволяет их развеять. При этом в целом он категорически не принимал подавляющее большинство идей как первого, так и второго.

По Мавру, человек, ведомый одним лишь внутренним наитием, отрицающий или, по крайней мере, не признающий значения накопленной за века мудрости, полагающий, что существование авторитетов и догматов не требуется для подлинно духовной жизни, а всяческие знания и доказательства основных богословских Истин если и не невозможны, то, по крайней мере, просто излишни (поскольку истинно верующему человеку они ни к чему, а для убеждения еретика они бесполезны), находится в опаснейшем из заблуждений.

Действительно, для переубеждения человека, который твёрдо решил игнорировать любые попытки достучаться до его сердца, пропуская любые доводы мимо ушей, – самых ценных слов могло оказаться мало; но, в то же самое время, далеко не каждая заблудшая душа совершенно чужда воззванию к разуму; да и каждому верующему, в особенности в момент преодоления тягостных сомнений, было бы полезно приобщиться к кладезю человеческой мудрости, направляемой Божьим Промыслом.

Но, тем не менее, что вера, лишённая мудрости разума, что человеческий разум, лишённый мудрости веры, по мнению брата Венсана, могли стать причиной огромных заблуждений и, как следствие, – ужасных бедствий. Поэтому, настаивая на здоровом балансе между созерцательностью и действием, он посвятил данному вопросу отдельный трактат «О единстве мистики и философии», подразумевая под мистикой ни в коем случае не колдовство и прочую бесовщину, а исключительно духовный опыт-откровение христианина.

Из прочих же сочинений Мавра в обязательном порядке следовало бы упомянуть «Ересиарий», в котором он проводит основательный обзор всех известных миру ересей, от возникших в древние века до образовавшихся в его дни; и «Теодицею», в которой Венсан объясняет наличие в мире зла и адских мук при существовании Всеблагого Творца, а также вопрос существования свободной воли человека при существовании Божественной Воли и Божественного Всеведения.

Памятуя же о работах, не лежащих непосредственно в области богословия, никак нельзя пропустить трактат «О поэзии» и три сборника стихов собственного сочинения: «Vade retro», в котором он приводит семь стихотворений, изобличающих семь смертных грехов; «Amabile orus», в котором он рассказывает про своих юных воспитанников, которые, пусть и уступая ему в книжной учёности, обладают тем качеством, без которого ни одному человеку невозможно попасть в Царствие Небесное, а именно – детской душой; «Igni et ferro», посвящённый методам лечения, ранее практиковавшимся у светил древности, и актуальным вопросам врачевания в медицине современности.

Полной противоположностью брата Венсана являлся достопочтенный брат Фабрис, носивший крайне необычное прозвище «Зубник». Известность его, вполне сопоставимая с известностью брата Венсана, была вызвана несколькими иными причинами и, как следствие, окружала своего носителя совершенно иным ореолом.

И если общения с братом Венсаном специально искали, его самого – любили, а на встречу с ним – спешили по велению сердца, то в случае с братом Фабрисом всё обстояло совсем наоборот.

В массе его не любили, а, скорее, боялись и недолюбливали. Избежать общения с ним желали бы многие. И хотя бывало, что люди и шли к нему по доброй воле, но всё-таки чаще не по велению сердца, а в силу острой нужды, оттягивая неприятную встречу до последнего момента.

Невысокий и пухлый, он внушал людям истинный трепет, от которого по коже у них пробегали мурашки, и один зуб не попадал на другой.

При этом сам Фабрис не был в какой-либо мере внешне отталкивающим, злым или неприятным в общении человеком, но всё упиралось не столько в его вполне светлую натуру, сколько в род его профессиональных занятий.

Заметно уступавший Мавру в годах, Зубник не отличался ни глубиной мысли, ни универсальностью познаний последнего. Зато – он был вполне сведущ в сфере вопросов, касающихся его врачебного призвания, поэтому назвать его простаком тоже было нельзя.

Фабрис не был особенно силён в философских дебатах на богословские и светские темы и, выбирая из пространных рассуждений о метафизике и вопросов практически-прикладного характера, отдавал предпочтение последним.

У всех людей на Земле, будь то мужчины или женщины, малые дети или глубокие старики, императоры или нищие, учёные или невежды, праведники или грешники, были зубы. И зубы эти, надо вам сказать, рано или поздно портились, давая о себе знать подчас не самым приятным образом. А всё, что приносит боль и страдание, как известно, требует своевременного лечения. И, если потребуется, лечение может быть проведено вплоть до полного искоренения источника боли.

Фабрис лечил людям зубы. И подходил к своему искусству весьма основательно, отличаясь новаторством методов и похвальностью результатов. Ничего больше, и ничего меньше.

Возможно, живи брат Фабрис в наши дни, – он не так сильно выделялся бы на фоне остальных профессиональных врачей и даже не входил бы в число лучших из них. Хотя, если всё-таки посмотреть на вопрос с другой стороны, кто знает, каких вершин сумел бы достичь он в своём искусстве, обладай он при своём усердии современными знаниями и оборудованием, которых, возможно, не появилось бы, не будь в своё время как его самого, так и людей, подобных ему.

Но в те далёкие годы, когда лечением зубов занимались преимущественно кузнецы, брадобреи, всевозможные коновалы и шарлатаны, а до создания стоматологии как области медицинской науки оставались ещё долгие, наполненные страшной зубной болью, века, – Фабрис по праву мог называться не просто лучшим дантистом в аббатстве, а, пожалуй, и в мире. Хотя бы уже и потому, что, даже не зная этого более позднего слова, по сути, был единственным человеком в мире, в полном смысле попадающим под это определение.

Брат Фабрис был человеком довольно экстравагантной натуры, что ни в коей мере не говорило о нём дурно. Возможно, не водись за ним некоторых странностей, он так и не избрал бы для себя столь необычный род занятий, вдобавок подступившись к нему столь же необычным путём.

Двойственность своего признания, включавшего в себя пересекающиеся и слившиеся в один гармоничный пути врача и монаха, Фабрис осознал ещё в раннем возрасте. Когда у него, ещё сравнительно малого ребёнка, нестерпимо болели его молочные зубы, – эта боль, порой доводившая до нескончаемых горьких слёз, мешала настраиваться на молитвенный лад. В то самое время, когда он, стараясь очистить себя от посторонних мыслей, готовился к чтению молитвы, обращая зов души к Богу, – на ум ему настойчиво лезли мысли о зубе, сбивавшие весь благочинный настрой.

Воспринимая все эти невыносимые страдания и муки то в качестве Божьей кары за свои прегрешения, то в качестве ниспосланного Им же испытания, юный Фабрис истово молил Творца убрать, если можно, его страшную боль или хотя бы ослабить её.

По глубокому внутреннему убеждению будущего врача, сформировавшемся уже в столь ранние годы, ни один человек на свете, каким бы чудовищем он ни был, пусть бы даже по светским законам его и следовало приговорить к смертной казни, просто не мог заслуживать того, чтобы у него болели зубы.

Небогатые родители долгое время не желали тратить на лечение молочных зубов своего измученного сына, полагая, что рано или поздно на смену этим зубам придут уже другие, и, стало быть, скромные семейные средства можно распределить на более важные потребности. Тем не менее, добрая матушка Фабриса, любящее сердце которой более не могло спокойно выносить этих ежедневных рыданий, всё-таки убедила мужа свести сына к единственному в тех местах кузнецу, живущему от них через дорогу.

Высокий, широкоплечий, косматый и всегда пребывавший в плохом расположении духа, кузнец относился к породе тех людей, которыми жестокие родители пугают своих непослушных чад. На редкость дурно пахнувший даже для этих веков и подобной глуши, этот человек любил прикладываться к бутылке, затевать ссоры и драки на пустом месте и сквернословил так, что от хрипа его басистого голоса начинали жалобно скулить собаки.

Зуб на него имели многие, но, вместе с тем, за неимением другого специалиста по целому ряду вопросов, а также зная его тяжёлый, вспыльчивый и злопамятный характер, люди обычно относились к кузнецу довольно-таки терпимо, предпочитая по возможности не трогать навоз, чтоб лишний раз не вонял.

В тот день, когда Фабриса привели к нему на «лечение», – кузнец был в неопрятной, пропотевшей, грубо штопанной и местами рваной рубахе с закатанными рукавами, поверх которой был надет заскорузлый кожаный фартук, с утра уже перепачканный чьей-то свежей кровью. Вполне справедливо полагая, что ждут его «плач и скрежет зубовой», несчастный ребёнок попытался спрятаться за спиной у отца, который, впрочем, тотчас же оттащил упирающегося мальчика навстречу страшному дядьке.

Подобрав привычным небрежным движением свои жуткие клещи прямо с земли, кузнец усадил перепуганного мальчика возле ног и, зажав его маленькую головку между своими большущими коленями, потянул волосатые грязные руки к крошечному детскому рту. Вскоре дюжий верзила принялся что было сил выворачивать мальцу челюсть, и тому оставалось лишь потерять сознание от боли, начав захлёбываться кровью.

Когда едва не погибшего малыша наконец привели в чувство, то оказалось, что усердный кузнец удалил ему вовсе не тот зуб. Причём – даже и не один...

...Позднее, когда в возрасте тридцати двух лет Фабрис достиг вершины искусства в своей врачебной науке, судьба привела одного престарелого человека к нему на приём. И этим человеком оказался тот самый кузнец, «*Denta per denta*» – «зуб за зуб». Но, впрочем, брат Фабрис никогда не принадлежал к числу тех людей, которые долго держат обиды, и в ходе своей работы старался не причинить посетителю боли и неудобств ровно настолько, насколько это вообще было возможно.

Испытав невозможные муки сам, Фабрис всеми силами души возжелал уберечь от них остальных, но, как гласит народная мудрость, «хоть и смелость важна – да умелость нужна». А приступая к любой практике, тем более – медицинской, будущему мастеру было необходимо предварительно овладеть определёнными теоретическими познаниями.

Единственным местом, где подобный ему человек неблагородного происхождения, небогатое семейство которого уже было вынуждено класть зубы на полку, мог получить образование, являлся монастырь. Куда его и без того влекла вера, позволявшая будущему монаху не только выжить, но и обрести себя в этой нелёгкой жизни.

В перспективе, помимо, собственно, знаний, необходимых каждому изучающему высокое искусство врачевания, монастырь мог обеспечить молодого монаха материалами, необхо-

димыми в его работе, и выделить если не помещение под мастерскую, то хотя бы келью, в которой он мог бы содержать свои записи и приборы в надлежащем порядке.

Но прежде всего требовалось получить на то согласие монастырского настоятеля, позволявшее осуществить задуманное в порядке особой формы послушания. А прежде чем испросить у аббата подобное разрешение, было необходимо подтвердить не только серьёзность своих намерений, но также и наличие соответствующих способностей.

Отсутствие врождённой гениальности Фабрис компенсировал усердным старанием в учёбе, высоким прилежанием в дисциплине и редким упорством в труде. В то время как многим прочим воспитанникам учение, казалось, давалось в разы легче (в особенности – некоторым отпрыскам знатных особ), Фабрис никогда не опускал руки и не сдавался, в конечном итоге не только догоняя, но и, в каких-то частностях, опережая всех остальных. И если монастырская аскеза и труд, вкупе с книжной мудростью, бывали для молодых людей в тягость, то юноша буквально шёл напролом, вцепившись зубами в цель, которую сам же и перед собой и поставил.

Несмотря на то, что, в общем и в целом, он не выделялся каким-либо особенным умом на фоне всех остальных и даже не входил в число лучших учеников монастырской школы, Венсан давно заметил за ним оригинальный ход мышления, высокую усидчивость и терпеливость, а также любовь к знаниям, умение следовать цели и веру в собственные силы, не превращавшуюся при этом в самоуверенность.

Предусмотрительный Мавр решил испытать полезность Фабриса, предложив тому для начала поработать в госпиталии – лечебнице при монастыре, где находилось рабочее место травщика и трудились наиболее сведущие в медицинской науке монахи, а также их молодые помощники, набравшиеся из числа послушников и добровольцев. В основном, местные эскулапы не стремились к углублённому освоению какой-либо частной области медицины, скорее занимаясь тем, чем придётся, и ведали о многом, но поверхностно.

В госпиталии время от времени лечились и сами монахи (в особенности – самые старые), но также туда приходили со своими проблемами обычные местные жители. Было немало и тех случаев, когда здесь оставляли пожилых и тяжелобольных горожан, которым был нужен постоянный и особый уход. Монахи не взимали плату за лечение, но, при этом, в массе были способны не столько по-настоящему лечить, сколько облегчать чью-то участь, обеспечивая человеку чистую постель, спокойный сон, еду и внимание.

Однако в отличие от лечения, которое могло быть оказано пришедшему за помощью на месте, содержание в госпиталии требовало особого разрешения настоятеля.

Коль скоро в госпиталии имелось не так много мест, чтобы, при всём желании, разместить всех желающих, монастырские лекари были вынуждены отсеивать пациентов по тяжести их болезней, отдавая большее предпочтение наиболее серьёзным случаям, при которых лишь их уход и искусство могли спасти человеку жизнь. Симулирующих дармоедов, желающих просто пожить на всём готовом, довольно скоро обнаруживали и, как следует проучив, изгоняли вон.

Время от времени травщик Иеремия или же сам Венсан Мавр могли взвалить на себя бремя по составлению особенно сложных рецептов, либо исцелению тех болезней, за которые не рискнули бы браться остальные. Но, к сожалению, ежедневные обязанности не позволяли им разорваться, занимаясь всем и сразу, в то время как ожидать их сноровки и знаний от прочих монахов, к сожалению, не приходилось.

Фабрис исполнял послушание с усердием, достойным самой высокой похвалы. Он не воротил нос от самой грязной работы, заботясь о вверенных ему больных, но в то же самое время горел желанием продолжать учёбу, не останавливаясь на уже достигнутом, и полагал, что способен принести куда большую пользу лишь в том случае, если только ему доверят врачевать зубные недуги.

Отрекомендовав аббату подающего особые надежды послушника, Венсан добился того, чтобы юноша получил в своё распоряжение отдельную мастерскую, заверив, что сам станет первым из тех, кого допустят к лечению. И если его ученик не справится, виноват будет только он сам. Продолжая внимательным образом следить за кропотливой работой Фабриса, Мавр то и дело оказывал ему значительное содействие, помогая то советом, то предметом, то хлопотами – в той мере, в какой это позволяла занятость самого Венсана.

Естественно, весь груз основной работы ложился на плечи самого Фабриса, но, так или иначе, без этой поддержки – фактической и моральной – он не сумел бы справиться, продвинувшись сколь-либо дальше. В особенности, на первых порах.

Впрочем, расположение Мавра и настоятеля вызывало особую ревность в других монахах, не говоря уже о послушниках, поэтому на каждое благое дело, как это водилось на белом свете испокон веков, находилась и своя пакость.

Работа его, и без того отягощённая привычным отношением ко всем, чей труд был связан с зубными болями, усугублялась ещё и досужими россказнями как о нём самом, так и о якобы практикуемых им методах. Будучи надуманными изначально, со временем эти байки имели тенденцию к дополнительному преувеличению и искажению.

У монахов «случайно» не оказывалось вещей и материалов, о которых он любезно, но настойчиво их просил; братья всегда, или почти всегда, оказывались слишком занятыми, чтобы оказать ему ту или иную посильную услугу, о которой он заранее хлопотал; а от представленных к нему помощников выходило намного больше вреда, нежели пользы.

Нельзя, впрочем, сказать, что подобного поведения придерживались поголовно все: кто-то действительно, время от времени, содействовал ему, благословляя от всей души его благие начинания, а кто-то считал нецелесообразным портить отношения с человеком, от действий которого в дальнейшем могло зависеть состояние собственных зубов.

Вынужденный одновременно осваивать многочисленные аспекты различных наук и ремёсел, способных так или иначе подсобить в его нелёгком и благородном, пусть даже и неблагодарном, деле, Фабрис подходил ко всему со стратегической осмотрительностью.

Естественно, не будь он в совершенстве обучен грамоте, было бы решительно невозможно не только вести собственные исследования, но даже и обрести те знания, которыми до него обладали другие.

В то же самое время работа с трудами древних и иноземных врачей, как минимум, подразумевала изучение тех языков, которыми они пользовались в своих работах, коль скоро составленный перевод не всегда был способен передать точную суть оригинала. А в случае медицинской практики – любая неверно понятая фраза (допустим, при составлении рецепта) могла стать причиной весьма печальных последствий.

Эта часть обучения давалась Фабрису в особенности трудно, поскольку незаурядными талантами в освоении языков (как, впрочем, и в математике) он не обладал; но, действуя не гениальностью, так упорством, он всё-таки постигал науки в меру своих способностей.

Позднее познания в растениях и травах позволили монаху выпросить у травщика участок для выращивания необходимых в его работе ингредиентов, впоследствии, при помощи познаний в алхимии, ухотивших на создание зубных эликсиров, пломбирующих смесей, лекарственных порошков, мазей и паст для лечения зубов и дёсен, а также особых дурмящих пилюль, призванных успокоить разум и ослабить зубные боли.

Хотя, конечно же, для изготовления всего вышеперечисленного требовались не только обычные растения и травы, иногда имевшиеся в избытке, но и прочие, подчас куда более редкие и сложные составляющие, часть которых если и не производилась в самом монастыре, то приобреталась у местных купцов. В особых случаях монаху приходилось седлать осла и отправляться на самостоятельные поиски необходимых компонентов.

Полученные эликсиры бережно хранились им в пузырьках, мази, пасты и смеси – в небольших горшочках, пилюли и порошки – в кожаных мешочках и шкатулках.

Помимо всего прочего, ему было проще самостоятельно изготовить необходимые инструменты, чем долгое время объяснять кузнецу и другим мастерам, чего же он, в конце концов, от них хочет. К таким инструментам и приспособлениям относились различные «сверлица», «пилочки», «ковырялочки», «прутики», «щипчики», «клещики», «молоточки» и прочие, весьма необычного вида, приборы, среди которых, к примеру, встречались небольшие и гладко отполированные медные зеркальца с ручками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.